

Выйдя из отцовских покоев, Ху Пэй собирался еще обсудить с Ху Юньшэнем дела принцев, но примчавшийся слуга Минцуань принес добрую весть от матушки. На миг он опешил, но тут же мягко улыбнулся.

Он бережно поднял с кресла белую лисицу, провел рукой по шелковистой шерсти и тихо прошептал:

— Спасибо тебе.

Лис тихо и жалобно заурчал.

"Не за что, — бесстрастно отозвался мысленный голос Повелителя Грома. — Когда я покинул Гору Накопления Грома, мне пришлось одолжить твое тело, чтобы ходить среди смертных. Будем считать, долг уплачен"

Ху Пэй прищурился и перестал гладить лиса. Приподняв зверя на уровень глаз, он заглянул в его алые, как рубины, зрачки и столь же невозмутимо ответил:

— Неравноценный обмен. За помощь матушке ты пообещал расплатиться еще тогда, когда я помог тебе упокоить блуждающие души. Получается, ты все еще у меня в долгу.

Выходит, разговоры о признательности не были пустой болтовней?

Лис снова едва слышно тявкнул, зажмурился, втянул голову в плечи и сделал вид, что крепко спит. Повелитель Грома мысленно вздохнул: этот Ху Пэй оказался куда пронырливее и расчетливее, чем даже Чжаогэ.

Ху Пэй едва заметно и пленительно улыбнулся. Подхватив лиса на руки, он направился к главному двору: сейчас следовало навестить матушку и успокоить ее смятенную душу.

\*\*\*

После того как стало известно о беременности первой госпожи, в доме воцарилось редкое согласие — по крайней мере, Старая госпожа Ху, ее сын Юньшэнь и сам Ху Пэй были счастливы. Однако время шло, живот Цзи Муюнь округлялся, и с согласия матриарха повседневные заботы по управлению поместьем временно перешли к супруге третьего брата, госпоже Цзюйхэн.

Цзюйхэн, желая привить дочери, Юньлин, полезные навыки, привлекла ее к ведению домашнего хозяйства. Вторая невестка, госпожа Вэньчжан, отнеслась к этому на удивление спокойно. Со свойственной ей прямоотой она просто привела свою дочь, Юньшань, и сдала на поруки невестке: «Где одна девица, там и вторая, учи обеих разом».

Лишь Вэн Ваньлин, вторая жена второго господина, исходила желчью. Она без устали нашептывала мужу, Ху Юньчжи, чтобы тот прибрал власть над усадьбой к своим рукам. Впрочем, госпожа Вэньчжан быстро пресекла эти поползновения: используя юную наложницу Чэн Сян как послушное орудие, она изящно усмирила соперницу ее же методами. Свары во втором дворе утихли лишь к тому времени, когда первая госпожа была уже на шестом месяце беременности.

Все это время сам виновник раздора, второй господин Юньчжи, малодушно прятался от домашних бурь в стенах Павильона Благодатной Ночи. Когда монеты подошли к концу, он перебрался в сомнительные притоны попроще. Дело зашло столь далеко, что беспечный гуляка едва не лишился должности придворного музыканта. Лишь под угрозой позорной отставки он с виноватым видом соизволил явиться домой. Наблюдая, как деверь позорит честное имя семьи, госпожа Цзюйхэн деликатно поделилась своими тревогами с Цзи Муюнь, которая к тому моменту уже заметно отяжелела.

Выслушав невестку, первая госпожа нахмурилась:

— Деверь — придворный музыкант, натура творческая. Он всегда твердил, будто в подобных заведениях ищет вдохновение для новых мелодий. С годами это вошло у него в привычку. Я поняла твою мысль, сестрица, и обязательно поговорю с супругом.

Ху Юньшэнь действительно попытался вразумить непутевого брата, но тот лишь отмахнулся, продолжая жить в свое удовольствие.

\*\*\*

Время текло подобно воде, незаметно унося с собой теплые дни, и вот уже на пороге стояла глубокая осень. В эти дни главной темой для разговоров в Золотой столице стали так называемые Десять Мудрецов. В какой бы кабак, трактир или чайную вы ни заглянули, везде только и слышался зычный голос заезжего сказителя, повествующего об этих великих мужах.

Первым среди них почитали правителя Восточных пределов, князя Сюань-цзюньвана — Сюаньюаня У. Этот человек, обладавший благородным обликом и статью истинного бессмертного, в совершенстве владел чародейством. Со времен основания Великой Чжоу каждому великому владыке сопутствовал свой верный князь-соправитель. Нынешний император восседал на троне тридцать один год, и ровно столько же Сюаньюань У носил свой титул. Однако годы не коснулись его лица: в свои пятьдесят он выглядел цветущим восемнадцатилетним юношей, за что по праву считался главой Десяти Мудрецов.

Второе место в этом списке занимал первый мечник Поднебесной, старший ученик школы Хэцин — Гу Сюэлян. О нем много слышали, но мало кто видел воочию; ходили слухи, будто он уже перешагнул порог земного бытия и обрел бессмертие. В народе до сих пор шептались о том, как много лет назад он одним ударом меча сокрушил прославленное копьё Дворца Небесных Тайн, ворвался в самые дорогие покои Золотой столицы и, раскидав толпу знатных повес, выкрал тогдашнюю примадонну. Юноша умчал ее под покровом ночи далеко в

пригороды. Каково же было удивление горожан, когда на следующий день девица невредимой и девственно чистой вернулась в Павильон Благодатной Ночи. Оказалось, что прозвище Гу Сюэляна — «Холодный снег» — полностью себя оправдывало: его сердце осталось равнодушным к чарам первой красавицы. Эта история о его благородстве и бесстрастии долго будоражила умы столичной знати.

Эти двое стояли на вершине славы. За ними следовали великий книжник Золотой столицы и наставник императора Хо Удун, чей конфуцианский гений признавала вся империя; мастер военного дела Сюаньюань Кай, носивший титул Великого защитника и прославивший свое копье и тактический талант на полях сражений; а также наследница Дворца Небесных Тайн Шэнь Тяньсинь — богатейший человек империи и личный астролог государя. Шэнь Тяньсинь была единственной женщиной на государственной службе, занимая высокий пост Великой ученой и входя в число шести высших сановников.

Остальные места делили скрывавшиеся в глухих лесах и академиях мудрецы: отшельники, познавшие суть буддийских сутр, и искусные мастера, чьи изобретения граничили с волшебством. Все они были гордостью Великой Чжоу — люди безупречной репутации, великого таланта, сказочного богатства или безграничной власти.

Нынешний же переполох случился из-за кончины Е Цзычжэнь — гениальной цитристки из провинции Фэнхуа и второй женщины среди Мудрецов. Вместе с ней ушла эпоха: легендарный инструмент «Минчжэн», прозванный Демонической цитрой, умолк. Смерть великой мастерицы оплакивали все — от седовласых академиков до простых бродяг и торговцев. Тогда ее близкий друг, буддийский наставник Ляньхуа, также входивший в число Десяти Мудрецов, решил почтить память усопшей. Он разбил на горе Спящего Дракона священный музыкальный лабиринт, объявив, что тот, кто сумеет совладать с Демонической цитрой, станет ее новым хозяином и займет освободившееся место среди Десяти Мудрецов.

Весть об этом всколыхнула Поднебесную. К горе Спящего Дракона потянулись толпы: молодые школяры, почтенные наставники, вельможи, бродячие музыканты и придворные артисты. О волшебной цитре Е Цзычжэнь ходили легенды: стоило мастеру коснуться струн, как этот звук проникал в самую душу, заставляя рыдать даже каменные изваяния. Шанс приручить такой инструмент выпадал раз в жизни. И даже если претенденту не суждено было унести «Минчжэн» или войти в круг избранных, сама возможность прикоснуться к легенде и увидеть воочию великих мастеров стоила долгого пути. К горе Спящего Дракона вела нескончаемая вереница паломников. Уже в первый день у подножия горы вырос палаточный городок с чайными павильонами, однако подняться на саму гору мало кому удавалось.

Лучшие певички и музыканты из Павильона Благодатной Ночи ушли ни с чем. Даже второй господин из дома Ху, мнивший себя великим ценителем прекрасного, получил от ворот поворот у самого подножия. Лишь один юный школяр сумел одолеть половину тропы, но вскоре повернул назад. Когда его спросили о причине, он лишь уныло пожал плечами: «Подъем крут, камни скользкие, а коли упадешь — и помочь некому. Вот я и вернулся». К исходу четвертого дня счет счастливицам, допущенным наверх, шел на единицы, но никто из них так и не смог заставить цитру повиноваться. Завтра был последний день испытания.

\*\*\*

Вечером, сидя в уединенном саду, Ху Пэй слушал залиvistый щебет птичьего семейства, бурно обсуждавшего столичные слухи. Поглаживая свернувшегося на его коленях белого лиса, юноша засмотрелся на бледный диск луны, одиноко застывший в небесах.

Он негромко прошептал:

— Послушай, Фэйбай. Смотреть на луну, вдыхать ночную прохладу и слушать, чем живет этот мир — разве это не лучше, чем сидеть взаперти на безлюдной горе и изнурять себя бесконечными практиками?

За полгода упорного учения Ху Пэй прочно утвердился в Государственном университете. Великий историограф осыпал его похвалами, а младшие преподаватели в один голос твердили, что юноша обладает редким, гибким умом и жаждой знаний. Однокашники же восхищались его скромностью и безупречными манерами. Изысканная внешность и блестящий талант заставили всех признать: этот юноша в полной мере заслуживает свое прозвище — Линцзюнь. Последние несколько дней его только и подбивали отправиться к горе Спящего Дракона и попытать счастья с Демонической цитрой.

Душа Повелителя Грома, заключенная в лисьем теле, прекрасно видела все старания юноши, но искренне не понимала его устремлений.

"Зачем тебе так отчаянно цепляться за эту бrenную человеческую жизнь?" — раздался в голове Ху Пэя недоуменный голос.

— А почему бы и нет? — Ху Пэй тихо, безмятежно рассмеялся. — Хочешь не хочешь, а на гору Спящего Дракона мне идти придется. Иначе ты ведь найдешь способ вернуть меня обратно. И вообще... зачем ты явился мне?

Лис спрыгнул на каменный стол и уставился на юношу немигающим рубиновым взглядом.

"Скажи, чего ты хочешь, — прозвучал телепатический шепот. — Я могу исполнить любое твоё желание. Тебе вовсе не обязательно заниматься тем, к чему не лежит душа, лишь ради того, чтобы остаться среди смертных"

Ху Пэй ласково посмотрел на зверя, проигнорировав его многозначительный взгляд, и вновь устремил взор на одинокую луну:

— Я и сам не знаю, что ищу. Знаю лишь, что мне хорошо здесь.

Повелитель Грома прикрыл глаза. В глубине души он хотел вернуть юноше воспоминания, стертые ледяными водами Источника Возрождения — только так можно было освободить его мятежный дух от земных оков. Но... память Чжаогэ... Одолеваемый сомнениями, дух лисицы передал эти мысли своему истинному телу, пребывавшему в уединении у самого обрыва реки

Забвения в Девяти Преисподних.

\*\*\*

## Девять Преисподних

Повелитель Грома стоял у самого края бездны, подставив лицо ледяному ветру. Получив весточку от своей земной искры, он нахмурился. Сейчас все силы обитателей подземного царства были брошены на подготовку к великому событию: в Море Цзюньчжоу готовились пробить брешь в небесном своде, дабы великие мастера древности могли вознестись в верхние миры. Девять Преисподних застыли в напряженном ожидании — вскоре сюда хлынут реки душ тех, кто погибнет при сотворении этого прохода. Откуда в такое время взять силы и время, чтобы искать противоядие для Чжаогэ?

Воды Источника Возрождения начисто стирают прошлое, превращая каждое новое перерождение в чистый лист. Чтобы исцелить этот недуг и вернуть утерянную память, нужно было отправиться в единственное место подземного мира, куда заглядывало солнце — к морю Желтых Источников в час земного заката. Лишь тогда, когда последний луч угасающего светила проникал под своды подземелий, на водной глади могла зародиться священная роса Желтых Источников. Этой росой следовало полить единственный цветок, растущий на заброшенном острове среди мертвых вод, и добыть его сок.

Но где взять время? Внутренний голос нашептывал Повелителю Грома: «Проход на небеса вот-вот откроется, великие перемены потрясут мир. Сколько десятилетий придется провести на заброшенном острове в ожидании заветной росы, а затем — пока распустится бутон? Разве можно жертвовать судьбой мироздания ради одного лишь Чжаогэ?»

Но тут же раздался другой, полный горечи голос: «Тысячу лет назад ты уже предал его, выбрав спасение мира. Ты не знал, что он отдал собственную душу, чтобы искупить твою вину, и заживо сдирал кожу, пытаясь выбраться из преисподней. И теперь ты вновь готов отвернуться от него?»

Повелитель Грома зажмурился, сдерживая душевную муку. Ледяной ветер донес из глубины пещер отголоски древней клятвы великой монахини Лэни, принесшей себя в жертву ради спасения живых:

"Я, великая заступница, принявшая обет в Море Цзюньчжоу и обретшая покой в недрах преисподней, стану ярким маяком на берегу реки Забвения. Я укажу путь затерянным душам и помогу им очистить карму ради будущего перерождения"

Даже простая монахиня нашла в себе силы для столь великого подвига. Мог ли он, верховный владыка подземного мира, облеченный высшей властью и ответственностью за миллионы душ, бросить свой пост и отправиться на край света выращивать цветок для одного-единственного близкого человека?

Короткая внутренняя борьба завершилась. Повелитель Грома тяжело вздохнул и тихо произнес:

— Пусть Чжаогэ проведет в мире смертных еще несколько лет. Когда-нибудь к нему вернется память, и тогда... быть может, он поймет мои мотивы.

\*\*\*

## Мир смертных

Восьмой принц, Сюаньюань Дуань, заворуженно смотрел на своего спутника. Облик Ху Пэя таил в себе едва уловимое, почти колдовское притяжение: тонкие черты лица, напоминавшие лепестки цветущего персика, и тонкий, дурманный аромат, исходивший от его кожи. На эту красоту хотелось смотреть вечно. Сидя в просторном экипаже, принц не сводил восхищенного взгляда со своего юного друга.

Они направлялись к горе Спящего Дракона. Сюаньюань Дуань втайне надеялся завладеть легендарным инструментом — преподнести столь изысканный дар прекрасному юноше показалось ему чрезвычайно заманчивой затеей.

Ху Пэй чувствовал этот пристальный взгляд даже сквозь сомкнутые веки. Он прекрасно понимал, что принц увлечен его изысканной внешностью, но не строил иллюзий: красота лица бледнела перед тем, что скрывалось в его черепной коробке. Именно блестящий ум и влияние семьи Ху были истинной целью восьмого принца.

— А-Пэй, мы приехали, — негромко окликнул его Сюаньюань Дуань, услышав доклад кучера.

Распахнув глаза, Ху Пэй первым делом отодвинул плотную занавеску и грациозно спустился по деревянным ступенькам. Оглядевшись, он обнаружил у подножия горы пеструю толпу: богатые вельможи, скромные школяры, молодые барышни и умудренные опытом старцы теснились у входа на горную тропу. Дорогу им преграждал юный послушник с мечом за спиной — тонкий, как молодой бамбук, и удивительно миловидный.

Спустившись вслед за ним, Сюаньюань Дуань окинул взглядом бурлящее людское море и с улыбкой спросил:

— Сегодня последний день, а народу только прибавилось. Уверен ли в своих силах молодой господин Линцзюнь?

Поправив пригревшегося в широком рукаве лиса, Ху Пэй покачал головой:

— Ничуть. К своему стыду, в музыкальном искусстве я совершенный профан.

Сюаньюань Дуань согласно кивнул:

— Оно и понятно. Чтобы играть так, как покойная Е Цзычжэнь, заставляя весь мир сопереживать твоей скорби, нужно пережить немало невзгод. А в твои годы откуда взяться печали? Пойдем, я хочу кое с кем тебя познакомить.

Они направились к изящной, недавно выкрашенной беседке у самого склона. Сюаньюань Дуань почтительно склонился перед сидевшим внутри пожилым мужчиной:

— Приветствую вас, господин великий министр.

Ху Пэй последовал примеру принца и совершил традиционный поклон ученика, успев при этом рассмотреть важного сановника.

У великого министра Цзи Сюэкана было широкое, открытое лицо, крупный нос, волевой рот и ухоженная длинная борода. Его облик дышал благородством, а глубокий, пронизательный взгляд идеально сочетался с суровыми чертами лица, выдавая человека твердого нрава и кристальной честности.

— Ваше Высочество излишне почтителен, — ответил Цзи Сюэкан, слегка наклонив голову в ответном жесте. Его взгляд переместился на юношу, стоявшего рядом с принцем. Поглаживая седую бороду, министр благодушно прищурился: — Неужто перед моим взором предстал тот самый молодой господин Линцзюнь, чья слава гремит по всей столице?

Цзи Сюэкан напоминал сейчас легендарного рыбака Цзян Тайгуна, терпеливо ожидавшего, когда добыча сама пойдет на крючок.

— Именно он, — поспешил подтвердить Сюаньюань Дуань, стараясь произвести наилучшее впечатление. — А-Пэй, позволь представить тебе господина верховного канцлера.

— Смирный ученик Ху Пэй приветствует вас, господин канцлер, — вежливо проговорил юноша, совершая повторный поклон. В его душе шевельнулось волнение: момент, которого он так долго ждал, настал. Теперь оставалось уповать лишь на благосклонность судьбы.

Умудренный опытом сановник добродушно рассмеялся и махнул рукой:

— Оставь церемонии, юноша.

Он внимательно оглядел Ху Пэя с головы до ног, одобрительно качая головой:

— Воистину прекрасен.

Ху Пэй почтительно склонил голову в знак благодарности. Очевидно, его манеры пришлись высокому гостю по душе, ибо министр тут же предложил:

— Что ж, входите в беседку, побеседуем.

Сюаньюань Дуань поразился той легкости, с которой Ху Пэй вошел в беседку, и поспешил за ним. В этот миг принцу показалось, будто это он — безвестный попутчик, сопровождающий важного гостя. Спокойствие Ху Пэя удивляло. Мало кто из столичных вельмож осмелился бы вести себя столь непринужденно перед верховным канцлером; даже великий церемониймейстер Ху Юньшэнь при встрече с ним держался куда более скованно.

По знаку хозяина гости уселись за небольшой столик. Канцлер лично наполнил пиалу ароматным напитком и протянул ее Ху Пэю. Тот с благодарностью принял угощение и тут же вежливо пододвинул его затаившему дыхание принцу:

— Прошу вас, Ваше Высочество.

— Премного благодарен господину канцлеру и тебе, А-Пэй, — улыбнулся Сюаньюань Дуань, принимая чашу.

В этот момент взгляды Ху Пэя и Цзи Сюэкана встретились. В них проскользнуло мгновенное, обоюдное понимание, скрытое от посторонних глаз. Про таких говорят: нашли друг друга. Проявляя должную заботу и почтение, Ху Пэй сам потянулся к чайнику, наполнил пустую пиалу и с соблюдением всех правил этикета подал ее молчаливому хозяину беседки.

— Что скажете, господин министр? — невозмутимо поинтересовался Ху Пэй, наливая чай себе.

Цзи Сюэкан слегка приподнял брови. Оценив цвет напитка, он сделал глоток, поставил пиалу на стол и устремил взор на покрытую туманом вершину горы:

— Чай отменный, собеседник приятный... да только не хватает остроты. Когда планируешь подняться наверх, юноша?

Ху Пэй посмотрел вслед за ним на столпившихся у подножия людей, которых раз за разом разворачивал строгий юный послушник:

— Когда наступит подходящее мгновение.

— Вот как? И в чем же оно заключается? — с живым интересом прищурился Цзи Сюэкан.

Ху Пэй медленно поднес пиалу к губам. Его тонкие, бледные пальцы на фоне белоснежного фарфора казались произведением искусства. Сюаньюань Дуань, наблюдавший за этой сценой,



нервно сглотнул и сделал очередной поспешный глоток.

Опустив пиалу, Ху Пэй мягко улыбнулся:

— Позволит ли господин канцлер назвать его своим наставником?

Его тон был ровным, лишенным подобострастия или ложной скромности — в каждом жесте сквозило благородство истинного мужа.

Восьмой принц поперхнулся чаем и зашелся в глухом кашле. Поспешно вытащив платок, он вытер губы, изумленно переводя взгляд с одного собеседника на другого. Смелость Ху Пэя превзошла все его ожидания.

Цзи Сюэкан недовольно поморщился, посчитав реакцию принца малодушной. Он не спеша поднялся со своего места и подошел к самому краю беседки. Подставив лицо теплову ветру и ловя на себе любопытные взгляды зевак, министр негромко произнес:

— У меня тысячи учеников по всей империи, и каждый из них прославлен умом и государственными заслугами. Чего же ищешь ты, Линцзюнь?

Ху Пэй подошел и встал рядом с ним, на расстоянии трех шагов:

— Слава вашего нового ученика станет вашей славой, наставник.

— Наставник? Если ты сумеешь спуститься с этой горы, держа в руках Демоническую цитру, я позволю тебе называть меня своим учителем. Почему бы и нет? — Цзи Сюэкан довольно усмехнулся.

Этот мальчишка нравился ему все больше: он с полуслова понял, зачем канцлер прибыл к подножию горы Спящего Дракона.

— Благодарю вас, учитель. Я оправдаю ваши надежды, — Ху Пэй мгновенно воспользовался предложением.

Он отвесил глубокий поклон, после чего выпрямился и выразительно посмотрел на впавшего в ступор принца, давая понять, что разговор окончен.

— Ах, да... — Сюаньюань Дуань торопливо поклонился канцлеру и поспешил за Ху Пэем, едва не запутавшись в полах собственной мантии.

Они быстро миновали толпу, направляясь к охраняемой тропе. В голове принца роились мысли:

«Так вот о каком моменте он говорил! Неужто его цель — один из шести высших министерских постов?»

Тем временем среди зевак и слуг пронесся взволнованный шепот:

— Смотрите, они идут к тропе! Неужто этот грозный послушник пропустит их?

— Да они только что вышли из беседки самого господина канцлера!

— И что с того? Великий министр Цзи тоже сидит внизу. Говорят, он даже пробовать не стал, чтобы не позориться перед честным людом.

— Здесь ведь проверяют знание музыки. С чего бы министру разбираться в нотах? Если уж знаменитые примадонны из Павильона Благодатной Ночи ушли ни с чем, этим двоим и подавно ловить нечего.

— Погоди, присмотрись к тому юноше... Да это же сам господин Линцзюнь!

— Небеса, так вот почему он столь прекрасен! А я-то грешным делом подумал, что это очередной фаворит какого-нибудь богача.

— Раз уж пришел сам юный гений, сегодня нас точно ждет чудо!

Послушник, преграждавший путь на гору, вежливо ответил на приветствие подошедших юношей.

— Позволено ли нам подняться на вершину? — мягко спросил Ху Пэй.

Мальчик с мечом внимательно оглядел Сюаньюань Дуаня и звонко спросил:

— Какими талантами ты обладаешь?

Восьмой принц гордо вскинул подбородок:

— Разумеется, я искусен в музыке. С трех лет я постигал грамоту, с шести — каноны мудрецов, а игра на цитре была обязательной частью моего обучения.

Послушник промолчал и перевел взгляд на Ху Пэя.

Тот лишь безмятежно улыбнулся и покачал головой:

— А я ни на чем играть не умею. Разве что люблю слушать пение птиц да голоса лесных зверей.

С этими словами он слегка приоткрыл широкий рукав, позволяя мальчику мельком увидеть белоснежный лисий хвост.

Маленький страж удивленно моргнул и тут же почтительно отступил в сторону, жестом приглашая Ху Пэя пройти.

Под изумленным взглядом Сюаньюань Дуаня юноша уверенно зашагал вверх по горной тропе.

— Почему его пропустили?! — не выдержал принц.

— Все просто, — загадочно ответил послушник. Глядя вслед удаляющейся фигуре Ху Пэя, он почему-то был уверен, что именно этот человек добьется успеха.

За прошедшие пять дней проницательные мужи успели разгадать тайну этого испытания: к подъему допускались лишь те, кто сохранил чистоту помыслов и детскую искренность. Возраст и незамутненный разум имели решающее значение, а на самой вершине гостей ждала проверка характера и стойкости. Поняв намек послушника, те, кто вышел из нежного возраста, предпочли не позориться и тихо отступили.

Сюаньюань Дуань все еще пытался осмыслить услышанное, но времени на размышления ему не оставили. К послушнику со всех сторон уже бежали другие искатели удачи, наперебой выкрикивая:

— Я тоже ничегошеньки не умею! Мне можно наверх?

То были те глупцы, что всегда видят лишь внешнюю сторону вещей, не пытаясь заглянуть в суть.

<http://bllate.org/book/18313/1760979>